

Но вскоре, как белая стая,³⁶
В дорогу она поднялась.

Знать, письма ее одолели,
Согнали с Кавказской земли,
Шамурин, Маршак и Орбели
Ее удержать не могли.

Она отлетела до срока,
И, взвешивая каждый шаг,³⁷
Бродили потом одиноко
Шамурин, Орбели, Маршак.

Далее в дневнике Лукницкого под рубрикой «Август–сентябрь 1927» записано: «Раз или два в Шереметевском доме был Маршак. Пунин и тут — ревнует. <...> Орбели (он и она) были один раз у АА с визитом» (Лукницкий, 289). А между тем разговоры с Орбели были для нее очень важны. «...Жизнь АА за последние годы складывалась так, что все окружающие ее люди были так загружены своими жизненными тяготами, так обременены, что стоило их толкнуть, и они могли бы пойти ко дну. Они наваливались этой тяжестью на АА, и она выносила их тяжести на себе. <...> И потому ей не хотелось ничего, не хотелось ни лечиться, ни выздоравливать, ни уехать, ничего не хотелось. <...> И вдруг в Кисловодске встретился Орбели. Она почувствовала, что она может свалить на него свою собственную тяжесть, потому что он сильный. И она это сделала, и стала легкой, веселой, не обремененной никаким грузом и здоровой. <...> Первый раз за много лет АА встретился человек, который принял ее груз на себя, принял, не заметив этого сам и не зная этого...»³⁸ И на этом, кажется, кисловодский сюжет в жизни Ахматовой заканчивается.

³⁶ Подразумевается название третьего сборника стихов Ахматовой «Белая стая» (1917).

³⁷ Как варианты, вписано: «Задумчивые, как ишак» и «И медленно меряя шаг».

³⁸ Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 169.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-152-158

© Л. В. Хачатурян

ВЕРТИКАЛЬНОЕ ЗАЧЕРКИВАНИЕ. К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО «ИМПЕРАТОР»*

Стихотворение «Император», посвященное расстрелу Николая II и его семьи, по праву считают одним из самых спорных в поэтическом наследии В. В. Маяковского. Столь же неоднозначно сложилась публикационная судьба этого текста. С момента его создания прошло более девяноста лет, но до сих пор не установлена окончательная редакция.

Стихотворение отчетливо делится на три части. Узловым событием первой из них является торжественный визит императора Николая II в Москву, свидетелем которого был Маяковский: «Помню — / то ли пасха, / то ли — / рождество».

* Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект 19-18-00353 «Создание международного научно-информационного портала „Автограф. XX век“, НИУ ВШЭ.

И раззвонившие колокола
 расплылись
 в дамском писке:
 Уррра!
 царь-государь Николай,
 император
 и самодержец всероссийский!¹

Вторая часть стихотворения написана под непосредственным впечатлением от последней, «посмертной» встречи с императором. Фактическая канва событий изложена в статье В. П. Лукьянина «Маяковский „сам“ и пять его свердловских дней».² Во время поездки в Свердловск в конце января 1928 года, после традиционного осмотра строящихся заводских корпусов и рабочих кварталов, Маяковский попросил председателя Свердловского областного исполкома А. И. Парамонова показать ему дом Ипатьева и место захоронения семьи Николая II. Просьба была выполнена, и 29 января, в последний день пребывания Маяковского в Свердловске, в непогоду, по глубокому снегу (эти подробности отражены в стихотворении) они выехали искать заброшенную шахту.³

За Исетью,
 где шахты и кручи,
 за Исетью,
 где ветер свистел,
 приумолк
 исполкомовский кучер
 и встал
 на девятой версте.
 <...>
 Здесь кедр
 топором перетроган,
 зарубки
 под корень коры,
 у корня,
 под кедром,
 дорога,
 а в ней —
 император зарыт.
 (т. 9, с. 28–29)

Стихотворение построено на контрасте первой и последней встречи с некогда всемогущим человеком, разрешения которого (тезис — антитезис — синтез) читатель вправе ожидать в третьей части. Но последние десять строк-слов больше напоминают дидактический вывод, прибавленный к уже завершеному произведению.

Прельщают
 многих
 короны лучи.
 Пожалте,
 дворяне и шляхта,

¹ Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 9. С. 28. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

² Лукьянин В. Маяковский «сам» и пять его свердловских дней // Урал. 2003. № 1. С. 177–208.

³ Место захоронения останков Николая II и его семьи — шахта № 7 в Ганиной Яме, заброшенном в начале XX века Исетском руднике. Рудник — затопленный карьер 20 × 30 метров, который Маяковский не мог не заметить. С другой стороны, он точно указывает расстояние («на девятой версте»). Реальное расстояние от Екатеринбурга до Ганиной Ямы — 9 км.

корону
можно
у нас получить,
но только
вместе с шахтой.
(т. 9, с. 29–30)

В качестве «недостающего звена» исследователи приводят фрагмент, опубликованный В. А. Арутчевой в разделе «Неиспользованные рифмы и строки»:

Я сразу вскину две пятерни
<...>
Я голосую против
Спросите руку твою протяни
казнить или нет человечьи дни
не встать мне на повороте
(т. 9, с. 444)

В разное время, в зависимости от состояния общественного мнения и собственной позиции исследователя, эти строки, как и сам факт «вычеркивания» заключительной части, получали полностью противоположные оценки: политические,⁴ этические⁵ и даже эстетические.⁶

Пытаясь разобраться, какова была и как менялась авторская интенция на различных этапах создания стихотворения, обратимся к первоисточнику.

* * *

Работа над текстом начиналась в записной книжке. В статье «Как делать стихи?» Маяковский точно определил положение записной книжки в ценностной иерархии поэта: «Об этой книжке пишут обычно только после писательской смерти, она годами валяется в мусоре, она печатается посмертно и после „законченных вещей“, но для писателя эта книга — всё» (т. 12, с. 91).⁷ Подобное отождествление себя и своего рабо-

⁴ Ср.: «Но в строчках явно не срабатывает то политическое чутье, которым Маяковский очень дорожил. Да, мы гуманисты, но гуманисты пролетарские, а не евангельские всепрощенцы» (*Пудваль А.* Поиск. Рассказы литературного следопыта. Свердловск, 1974. С. 52).

⁵ «Картина страшна и впечатляюща. Что она изображает? Крах царизма? Разумеется. Но, может быть, поэт имел в виду и нечто иное? На это намекают строки из рабочей версии стихотворения <...>. Здесь выражается запретная мысль, а именно: убийство царской семьи безнравственно — и безнравственно не вообще, а исходя из норм коммунистической морали» (*Янгфельдт Б.* Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг. М., 2016. С. 87). Ср. также: «Янгфельдт с симпатией говорит о гуманистическом порыве, который, видимо, охватил Маяковского, когда тот узнал подробности казни царской семьи. <...> В идее показывать царскую семью в зверинце гуманизма мало. <...> Однако противоречие, нервом прошедшее через жизнь Маяковского, уловлено точно. Гуманист здесь отождествляется с лириком: с какого-то времени Маяковский начинает отрицать ценность и значение личности, что на самом деле полностью противно его природе — в этом Янгфельдт и видит трагедию» (*Оборин Л.* Красная книга. [Рец. на:] Бенгт Янгфельдт. Ставка — жизнь: Владимир Маяковский и его круг // Знамя. 2010. № 3. С. 225).

⁶ «Перед нами наброски фраз, несомненно, согласованных с какими-то поворотами мысли поэта, но они не предназначались для постороннего глаза <...>. Это — та самая „словесная руда“, из тысяч тонн которой, согласно известному афоризму Маяковского, извлекаются лишь граммы полновесных слов. Не осторожничающий „внутренний цензор“, а сам требовательный к себе поэт их забраковал: по заключенному в них словесному жесту они категорически не вписывались в тот подспудный „гул“, которым наполнены две контрастирующие между собой части стихотворения» (*Лукьянин В.* Маяковский «сам» и пять его свердловских дней. С. 208).

⁷ Или иронично: «Хорошая записная книжка и умение обращаться с нею важнее умения писать без ошибок подходящими размерами» (т. 12, с. 116).

чего инструмента было свойственно не только Маяковскому. Практически в унисон с ним звучат высказывания о черновых тетрадах Марины Цветаевой, поэта еще более категоричного: «Россия без меня обойдется, без тетрадей — нет. / Я без России обойдусь, без тетрадей — нет».⁸ Разного формата, от карманных до настольных, на протяжении пятнадцати лет записные книжки сопровождали Маяковского постоянно.⁹ Чтобы всегда иметь одну из них под рукой, он вел несколько записных книжек одновременно.

При первом рассмотрении записи в них кажутся хаотичными: «Маяковский начинает то с концевых, ударных строк, то с середины, то с начала стихотворения. Установить здесь какую-нибудь закономерность записи весьма трудно».¹⁰ Сложившееся мнение о «поэтическом беспорядке» записных книжек вполне объяснимо. В данном случае мы имеем дело не с последовательно воспроизведенным текстом (черновые и беловые автографы), и даже не с контекстными записями (дневник, альбом), а непосредственно с рабочим, специфически организованным пространством. По справедливому замечанию современных исследователей, «записные книжки — совершенно особый жанр литературы. <...> Здесь многое не завершено, не досказано и требует комментариев».¹¹

Пространство записных книжек имеет собственную коммуникацию. Записи в них диалогичны, но это внутренний диалог: здесь совпадают автор и адресат. При передаче самому себе уже известной информации — переписывании одних и тех же строф — происходит их обработка.¹² Учитывая комментарии Маяковского («Как делать стихи?») и наблюдения В. А. Арутючевой, можно проследить, как появлялась самая первая запись художественного текста: «Он (В. В. Маяковский. — Л. Х.) работает над стихотворением не от начала к концу, последовательно развивая тему, а создает отдельные строфы без всякой видимой внутренней связи».¹³ Его фиксация начиналась с узлового момента — строфы «наибольшего значения», и лишь затем, на втором этапе, возникали «начало» и «конец», происходило объединение готовых строф в целостное произведение. «...Я начинаю их (кирпичи, строфы. — Л. Х.) примерять, ставя то на одно, то на другое место, прислушиваясь, как они звучат, и стараясь представить себе производимое впечатление» (т. 12, с. 107). На следующем этапе строфы переписывались в нужной последовательности набело. При этом воспроизведенный текст вычеркивался из черновика вертикально, широкой чертой через всю строфу. Как отмечает Арутючева, «в результате этой работы он или перенумеровывал строфы или переписывал их в нужной последовательности, вычеркивая в записной книжке уже переписанную строфу. Поэтому подавляющее большинство черновиков в книжке

⁸ Цветаева М. И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 606. О роли записных книжек и рабочих тетрадей в создании художественного текста см., например: Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр // Наше наследие. 2013. № 105. С. 90–105; Бродовская Ю. И., Лубяникова Е. И. Черновые тетради М. И. Цветаевой 1919–1921 гг. // Цветаева М. И. Творческие тетради. СПб., 2018. Т. 1. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г. С. 149–156; Хачатурян Л. В. «Мой письменный верный стол...»: художественный текст в черновой тетради Марины Цветаевой 1939–1940 годов // Русская литература. 2018. № 2. С. 245–252.

⁹ Есть сведения о 73 записных книжках (рабочих блокнотах и тетрадях) Маяковского, 72 из которых имеют сплошную нумерацию. В 1930 году сам поэт отдал 4 записных книжки в ГЛМ (ныне РГАЛИ). В 1938 году 68 записных книжек были переданы Л. Ю. Брик в Библиотеку-музей В. В. Маяковского (ныне: Государственный музей В. В. Маяковского — ГММ). Одна записная книжка, датированная 1928 годом и не включенная в общую нумерацию (хронологически — между 64 и 65), находилась в частном архиве Т. А. Яковлевой-Либман. См. об этом: Арутючева В. А. Записные книжки Маяковского // Лит. наследство. 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 326–328, 395–396.

¹⁰ Реформатская Н. В. Работа Маяковского над циклом стихов «О поэзии» // Литературная учеба. 1937. № 5. С. 60.

¹¹ Грякалова Н., Иванова Е. Записные книжки Александра Блока без купюр. С. 90.

¹² См. об этом: Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 25.

¹³ Арутючева В. А. Записные книжки Маяковского. С. 329.

перечеркнуто».¹⁴ Итак, в записных книжках Маяковского встречаются два вида зачеркиваний, имеющих отчетливое функциональное разделение: при непосредственной работе над текстом применялось горизонтальное зачеркивание, а при перенесении в беловик готовых строф вертикальное.

Текст, не зачеркнутый вертикально, сохранял статус черновой заготовки и мог быть использован как часть другого произведения. Так, на одном из разворотов карманной записной книжки Маяковский зафиксировал строфу, не востребованную как самостоятельный текст зимой 1927–1928 года.

Уже второй
должно быть ты легла.
Покой благой
в ночи млечпуть серебряной окою
Я не спешу, и молниями телеграмм
Мне не зачем тебя
будить и беспокоить.¹⁵

Осенью 1928 года он перенес эту строфу в другой блокнот,¹⁶ где она стала частью стихотворения, написанного по другому поводу и посвященного другой женщине.

На этапе вертикального зачеркивания работа в записной книжке заканчивалась, и страница становилась такой, какой мы видим ее сейчас. Этот вид записи совершенно по-разному воспринимается дилетантом и текстологом. Текстолог профессионально считывает слои правки, двигаясь от финального этапа работы к первому.¹⁷ Дилетант видит бессмысленно перечеркнутый во всех направлениях текст, что дает ему широкий простор для выводов об эмоциональной нестабильности поэта или принципиальной непознаваемости художественного творчества.

* * *

Работа над стихотворением «Император» была начата Маяковским в записной книжке № 55 — детском блокноте «Для стихов» с разноцветными страницами.¹⁸ Первая запись сделана сразу после поездки, предположительно — 30 января 1928 года. Цифровой архив позволяет увидеть работу над черновым текстом:¹⁹

Землю снегом заволкло
.....
да лишь брюхатые следы волков
и мелкие диких козлов.

рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении его в новую квартиру.

и [лишь] только по следу диких козлов
брюхатый след волков.
.....

¹⁴ Там же.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 22 об.

¹⁶ Записная книжка № 54 (ГММ).

¹⁷ Яркий образец динамической транскрипции записных книжек Маяковского продемонстрирован Арутчевой, восстановившей процесс переписывания белового варианта стихотворения «Зевс-опровержец» из записной книжки № 62 в записную книжку № 63: «С карандашного текста сделан беловик, на что указывают перечеркнутые строфы, которые, по мере переписывания, Маяковский одну за другой вычеркивал чернилами» (Арутчева В. А. Записные книжки Маяковского. С. 338).

¹⁸ Записная книжка № 55. Январь–март 1928 года (РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71).

¹⁹ Записная книжка опубликована на портале «Автограф»: <http://majakovskiy.literature-archive.ru/ru/content/zapisnaya-knizhka-s-nabroskami-stihotvoreniy>.

Корону вновь на башку получить
 Корону может на лоб получить
 Но только вместе с шахтой.

толи пасха, толи рождество <так!>
 вымыто и насухо
 расчищено торжество.

.....
 И зазвонившие колокола
 <за>лились в дамском писке:
 Ура царь государь Николай
 император и самодержец всероссийский²⁰

Последние две строфы перечеркнуты синими чернилами характерным вертикальным зачеркиванием — они почти дословно вошли в беловой текст. На следующем развороте Маяковский вернулся к первой строфе и записал ее в окончательном варианте. И опять синими чернилами вертикально вычеркнул сделанную графитным карандашом запись, тем самым утвердив ее.

<...>
 Вселенную снегом заволокло
 Не зги не/видать <так!> как на зло.
 И только следы от брюха волков
 По следу диких козлов²¹
 <...>

Подобную правку мы видим на каждом листе записной книжки, включая страницы с заключительной частью стихотворения. Примечательно, что здесь в статусе заготовки оставлена первая строфа, позднее ставшая «моралью» стихотворения. Все остальные переписаны в беловик²² и вертикально вычеркнуты справа налево:

Прельщают многих короны лучи
 Ну что же пожалте сюда палачи
 Все и {Но знайте} бояре и шляхта
 Корону можно у нас получить
 Но только вместе с шахтой

 В короне из золотожилья
 Башкой в изумрудные копи
 Лежит как его уложили
 На лоб драгоценности копит.

 Я вскину {сразу} две [моих] пятер<ни>
 [Что] я голосую против.
 Спросите руку твою протяни
 Казнить или нет человечьи дни
 не встать мне на повороте
 живые так можно в зверинец их

²⁰ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 4 об. Здесь и далее отточием обозначены незаполненные строки, угловыми скобками — конъектуры текстолога, квадратными — зачеркнутые, а фигурными — вписанные сверху слова.

²¹ Там же. Л. 5 об.

²² Наиболее вероятно — в сентябре 1928 года в записную книжку № 63 (ГММ). К сожалению, в связи с ремонтом музея записные книжки из этого собрания находятся на сейфовом хранении и недоступны исследователям.

промежду гиеной и волком
 И как не крошечен толк от живых
 от мертвого меньше толку
 Мы повернули истории бег
 Старье навсегда провожайте
 Коммунист и человек
 не может быть кровожаден²³

Именно поэтому, возвращаясь к вопросу о том, по каким политическим, этическим или эстетическим причинам Маяковский снял заключительную часть стихотворения «Император», мы не можем дать какой-либо определенный ответ. Поэт не отказывался от нее. Его правка означала не уничтожение, а утверждение текста: сосуществование в блокноте двух редакций стихотворения. Первой, развернутой, состоящей из трех частей, и второй, «цензурированной», в которой строфы, противоречащие советским реалиям 1928–1929 годов, были заменены не востребовавшей ранее дидактической строфой.²⁴

Что же произошло через тридцать лет, при публикации стихотворения «Император» в Полном собрании сочинений?²⁵ Каким образом две редакции стихотворения слились в единый текст?

В 1958 году практически одновременно были опубликованы две крупные работы Арутчевой: девятый том собрания сочинений, содержащий стихотворения Маяковского 1928 года и их варианты, и объемная статья в томе «Литературного наследства».²⁶ Применительно к стихотворению «Император» вертикальное зачеркивание было трактовано в ней как обычное, выбраковывающее ненужные фрагменты. Казалось, текстолог «забыла» результаты собственных исследований. «Надо было выбирать между строками „Я голосую против“ и „корону можно у нас получить, но только вместе с шахтой“. Последняя строфа была лаконичной, целенаправленной <...> Он выбрал ее и перечеркнул отброшенные строки».²⁷ В собрании сочинений Арутчева опубликовала последние строфы чуть более деликатно — как «Неиспользованные рифмы и строки». Вероятно, невозможный для публикации текст 1928 года оставался проблемным и в 1958 году. «Надо было выбирать...» Между поэтом Маяковским и академическим Полным собранием сочинений пролетарского поэта В. В. Маяковского выбор был сделан в пользу последнего.²⁸

Сейчас, спустя еще шестьдесят лет, записные книжки готовятся к первой полнотекстовой публикации в составе выходящего с 2013 года нового академического Полного собрания сочинений Маяковского в 20 томах (их планируется включить в т. 19). Одновременно появилась уникальная возможность создать цифровой корпус записных книжек и опубликовать этот бесценный инструмент «производства стихов», чтобы больше никому не приходилось совершать выбор между профессионализмом и изданием.

²³ РГАЛИ. Ф. 336. Оп. 5. Ед. хр. 71. Л. 6 об. — 7. Далее страница не заполнена.

²⁴ В этой редакции стихотворение было опубликовано в журнале «Красная новь» (1928. № 4).

²⁵ При подготовке академического Полного собрания сочинений Маяковского в 13 томах (1955–1961) были сделаны не только выписки, но и фотокопии записных книжек, которые сохранились в архиве Арутчевой в Отделе рукописей ИМЛИ РАН.

²⁶ Арутчева В. А. Записные книжки Маяковского. С. 325–396.

²⁷ Там же. С. 366.

²⁸ По этому изданию стихотворение «Император» цитируется в современных исследованиях. См., например: «Однако в итоговой редакции ото всех этих милосердных строк поэт отказался, предпочтя им кровожадную концовку» (Лекманов О. Последний император // Знамя. 2014. № 2. С. 201).